

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Киевская Русь

Б. Д. ГРЕКОВ. *Киевская Русь.* Академия наук СССР, Институт истории. Издание третье, переработанное и дополненное. М.—Л., 1939.

Историография Киевского государства насчитывает более 800 лет своего существования. Еще в начале XII в. автор «Повести временных лет», игумен Выдубицкого Михайловского монастыря, летописец Сильвестр поставил перед собой задачу—показать, «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала есть». Труд этот, вопреки общепринятому мнению об объективности летописных сказаний, сугубо тенденциозен. Задавшись целью обосновать теорию варяго-руси, возвеличить княжеский род Рюрика, укрепить господствующее положение Киева и его князя, которому должны подчиняться все части Киевского государства, обнаружившие к тому времени сильные сепаратистские тенденции, летописец Сильвестр предвзято подбирал факты, многие события незаслуженно выпячивал, обо многом умалчивал и тем самым лишил последующих историков многих ценных сведений.

Но и через 800 лет, после работы многих поколений историков, задача, которую поставил перед собой летописец XII в., далеко еще не разрешена. Между тем, изучение истории Киевской Руси имеет огромное значение для правильного понимания всей истории нашей страны и населяющих ее народов.

Возникшая в результате длительного исторического процесса и устойчиво просуществовавшая не менее 200 лет обширная «империя Рюриковичей» была одним из самых мощных и культурных государств своего времени, и Карл Маркс с полным основанием сравнивает ее с другим обширным государственным объединением той поры—империей Карла Великого. «Подобно тому,—пишет Карл Маркс в «Секретной дипломатии XVIII в.,—как империя Карла Великого предшествовала образованию современных Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей предшествовала образованию Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и, наконец, самой Московии».

Эти ясные и авторитетные высказывания очень далеки от антиисторических взглядов на сей предмет М. Н. Покровского, считавшего, что «говорить о едином «русском государстве» в киевскую эпоху можно только по явному недоразумению». Далеки они и от других домислов, по которым Киевское государство—это лишь недолго длившийся переходный момент от родового общества к классовому феодальному, «момент», не оказавший никакого влияния на последующие судьбы народов СССР. В рецензируемом труде Б. Д. Греков противопоставляет подобным взглядам другой тезис: «История Киевского государства,—пишет он,—это не история Украины, не история Белоруссии, не история Велико^{рус}сии. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Велико^{рус}сии. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны» (стр. 9).

Положение историка, приступающего к изучению Киевского государства, его социально-экономического строя и политической истории,—необычайно трудно. Историография вопроса, несмотря на свой почтенный возраст, не накопила много материалов и большей частью вращалась в кругу ограниченного числа идей, к тому же нередко порочных. Письменных памятников, относящихся к данному этапу истории народов СССР, сохранилось очень мало. Многое могла бы разъяснить археология, но, несмотря на успехи, достигнутые этой наукой в нашей стране за последние годы, археологические раскопки во многих районах Киевской Руси и, в частности, в центре Киевского государства не развернулись еще с тем размахом, чтобы дать ответ на многие спорные вопросы. Еще меньше привлечена к освещению истории Киевской Руси лингвистика. Что же делать: отступить перед трудностью задачи, отказаться от ее разрешения, отчаяться вообще в ее разрешимости и раз навсегда объявить эпоху Киевской Руси, особенно в ее первоначальной стадии, «белым пятном» нашей истории? Или же, наоборот, вдохновиться этой трудностью, преодолевать ее, критически пересмотреть историографию вопроса, отбросив все негодное и заимствуя ее бесспорные научные достижения, терпеливо и кропотливо собрать по крупицам все дошедшие до нас факты самого разнообразного происхождения, подвергнуть их обработке и анализу, реконструировать по косвенным данным и правдоподобным догадкам моменты, не освещенные источниками, и на основе всего этого, пользуясь марксистско-ленинской методологией, дать более или менее полную картину Киевского государства?

Автор рецензируемой книги, акад. Б. Д. Греков, встал на второй путь. Он подвергает критическому анализу всю предшествующую историографию, выявляя много моментов, ускользавших ранее от внимания ученых. Он привлекает к исследованию широкий круг письменных и неписьменных источников—русские летописи, византийские хроники, договоры с греками, сказания арабских путешественников, «Правду Русскую», жалованные грамоты, житийную литературу, народные предания, былинный эпос, археологические данные, топонимику, лингвистический материал и т. д. и т. п. В результате перед нами ценнейший труд, представляющий последнее слово науки в данной области, обнимающий почти все стороны жизни Киевского государства и дающий ответ на многие до сих пор спорные и неясные вопросы.

Как известно, государство возникает после разложения родового строя, с возникновением классов. Автор показывает, «что в IX в. мы имели уже право говорить о классах, в X в. эти классы делаются нам известны с достаточной ясностью, об XI—XII вв. нужно сказать то же, но с гораздо большей конкретностью» (стр. 169). На основании разнообразных источников автор доказывает, что основой хозяйственной жизни древнеславянского общества было земледелие. Об этом говорят и археологические находки, и письменные памятники, и данные языка, и целый ряд других материалов. Уже довольно рано, примерно с IX—X вв., ведущая роль переходит к пашенному земледелию, причем это наблюдается не только на юге, где леса были выжжены и вырублены и где, следовательно, для подсечного земледелия не было места, но и в центральных частях территории, занятой восточным славянством. Очень показательно, что «Правда Русская», этот «важнейший документ середины XI в., фиксирующий общественные отношения на данном этапе их развития, совершенно точно и определенно указывает на наличие пашенных полей, принадлежащих отдельным владельцам, разграниченных межами, за нарушение которых взыскивается самый высокий штраф после штрафа за убийство» (стр. 47). Конечно, наряду с пашенным земледелием в широких размерах продолжало существовать земледелие подсечное, но «основная магистраль сельского хозяйства идет по новому, проложенному сохой и плугом пути, конечно, с учетом различий северных и южных районов» (стр. 50).

Поскольку земледелие было основным занятием населения еще в период, предшествовавший образованию Киевского государства, то вопрос о том, кому земля принадлежала, вопрос о возникновении землевладения, об организации вотчины и о зависимых от вотчинника категориях населения приобретает важнейшее значение для выяснения древнейшего общественного строя восточных славян и общественных

отношений Киевской Руси. Главы, посвященные этим вопросам, являются центральными в труде Б. Д. Грекова;

Исследователь не располагает достаточным материалом, чтобы точно установить время появления частной собственности на землю в докиевский период. Однако дошедшие до нас источники позволяют утверждать, что в IX в. частная собственность на землю несомненно уже существовала и в бассейне Волхова и в бассейне Днепра; Более конкретный материал имеется для киевского периода, общественные отношения которого можно восстановить по вполне доброкачественным «письменным источникам; рожденным самим Киевским государством». Эти источники не оставляют никакого сомнения в том, что в X—XI вв. существовала уже крупная вотчина, которая носила ясно выраженный феодальный характер. Нет никаких данных, чтобы точно датировать время появления феодальных отношений в Киевском государстве и в докиевский период. Однако, если в XI в. мы уже встречаем в Киевском государстве крупную феодальную вотчину с многочисленными категориями населения, находящегося в феодальной зависимости от вотчинника, то ясно, что для созревания таких отношений понадобился известный срок, и срок немалый. Процесс феодализации шел уже в недрах того общественного строя, который «предшествовал феодальному у народов нашей страны и среди них прежде всего у славян Поднепровья и Поволховья. На основе распавшегося патриархального рода мы имеем здесь несомненное наличие общины-марки, на наших глазах претворяющей свою дальнейшую эволюцию. Это был далеко не мирный процесс, и летопись сохранила некоторые намеки на борьбу между уходящим старым строем и наступающим новым» (стр. 62).

Сущность этого нового строя ярче всего обнаруживается при анализе организации крупной вотчины X—XI вв. Для этой цели автор, наряду с другими письменными источниками, пользуется, главным образом, так называемой «Правдой» Ярославичей, явившейся плодом совещания сыновей Ярослава, происходившего между 1054 г. (год смерти Ярослава Мудрого) и 1073 г. (год изгнания Изяслава из Киева). Совещание сыновей Ярослава, отменив месть, этот умиривший уже тогда пережиток родового строя, в остальном «все якоже Ярослав судил, также и сынове его уставиша». Автор убежден, что это относится и к нормам, регулирующим вопросы организации вотчины (вотчинами владел и Ярослав, многочисленными селами владели новгородские князья и в X в., а, может быть, и раньше). Из этого следует очень важный вывод, что «Правда» Ярославичей дает нам материал для суждения о характере организации вотчины не только для второй половины XI в., но и для эпохи Ярослава, т. е. для первой половины века.

Из анализа статей «Правды» Ярославичей автор приходит к выводу, что в ней «описана в главнейших чертах жизнь вотчины княжеской» (стр. 88) с наличием княжеской пашни, хозяйственных построек, рабочего, молочного и мясного скота и т. д. Все это говорит о сельскохозяйственной физиономии вотчины. «Князь в своей вотчине рисуется «Правдой» в качестве землевладельца-феодала, имеющего известные феодальные права по отношению к зависимому от него как вотчинника населению. Вся администрация вотчины и все ее население, зависимое от вотчинника, подлежат его вотчинной юрисдикции». При этом, и это очень важно, «крупная вотчина не только локально связана с сельской общиной, княжеская вотчинная администрация имеет какое-то отношение и к другим общинам, непосредственно не соприкасающимся с вотчиной, ...представители княжеской вотчинной администрации имеют не только экономические, но и политические функции» (стр. 90).

Кем же являлись непосредственные производители, работавшие в княжеской (и не только княжеской) вотчине на крупных землевладельцев? «Для барского хозяйства IX—XI вв., несмотря на то, что в течение трех веков оно не оставалось без изменений, все же характерным является наличие челяди, работающей на своего хозяина под непосредственным наблюдением его самого или его уполномоченного» (стр. 93). До сих пор историки за очень редкими исключениями полагали, что челядь это—рабы. Это считалось настолько само собой разумеющимся, что ученые не считали даже нужным заняться изучением термина «челядь», углубиться в его содержание. Если челядь

это—рабы, то крупная вотчина IX—XI вв. рождалась на рабском труде, и перед нами, таким образом, общественное производство, основой которого является рабский труд. Но в том-то и дело, что термин «челядь», как это вытекает из тонкого и кропотливого анализа Б. Д. Грекова, весьма сложен: «в древнейший период термин «челядь» вполне соответствует латинскому термину *familia*. А *familia*—это не только рабы» (стр. 93). Что касается этого термина по «Правде Русской», то он «обнимает собой разновидность барской дворни, вышедшей из патриархальной *familia*» (стр. 107). В рассматриваемое нами время, т. е. в XI в., «челядь прежде всего есть та часть зависимого от землевладельца населения, которая непосредственно работает на землевладельца, которая эксплуатируется им на барщинной работе либо служит на барском дворе, выполняя здесь самые разнообразные функции вплоть до низшей военной службы в дружине феодала» (стр. 103—104).

Среди челяди было, конечно, немало рабов. О них говорит та же «Правда Русская», их знают и летописи и другие письменные памятники. Но рабы—только один из ингредиентов челяди, в составе которой имеется целый ряд других категорий зависимого населения: смерды, рядовичи, закупы, вдачи, изгои.

Автор подробно разбирает все эти категории зависимого населения. Начнем со смердов, ибо именно из их среды вербовались некоторые категории челяди, работавшей на крупного землевладельца. Старые историки, исходя из неправильного понимания смердов как монолитной социальной группы с законченными юридическими признаками, тщетно пытались определить юридическую природу смерда. Между тем, эта попытка заведомо обречена на неудачу, так как нельзя давать единого юридического определения для социально разнородной группы. Смерды, составлявшие большинство населения Киевского государства, являвшиеся главной его производительной силой, представляли собой свободных общинников. Но старая историография не замечала того важного обстоятельства, что в XI в. часть смердов успела уже попасть в известную зависимость к феодалам. В своем историческом развитии смерд Киевского государства прошел примерно те же этапы, что и крестьянин любой другой феодализирующейся страны. Первоначально смерд—свободный общинник, и основная форма его эксплуатации выражается только во взимании с него дани. Но наряду со смердом-данником появляется другая группа смердов, попавших в частную зависимость от землевладельцев-феодалов. Дань, уплачиваемая смердом—свободным общинником, «перерождалась в отработочную и натуральную земельную ренту в связи с процессом освоения земли различного типа феодалами и вместе с превращением смерда в зависимого, полукрепостного или крепостного. Свободный смерд, попадавший под непосредственную власть феодала, мог, конечно, привлекаться и ко всевозможным работам на боярском дворе и для этого двора и в то же время не совсем освобождался и от дани, постепенно превращавшихся в ренту продуктами. Наконец, обе формы ренты, и натурой и отработочная, обычно живут рядом; Таким путем подготовлялся переход к следующему, высшему этапу в истории феодальных отношений» (стр. 141).

Обедневший смерд, лишенный средств производства и попавший в зависимость к феодалу, фигурирует в «Правде Русской» под разными названиями. Это и рядовичи, т. е. лица, работающие у вотчинника по ряду (договору). Рядович, следовательно, не раб, но, конечно, и не наемный рабочий капиталистического общества; зависимость его—чисто феодального свойства. Это и закупы, представляющие собой разновидность тех же рядовичей. На основе анализа большого материала Б. Д. Греков приходит к выводу, что закуп «Правды Русской» это—«зависимый от феодала человек. Зависимость устанавливается актом выдачи господином некоторой суммы денег, которые закуп должен вернуть, если пожелает уйти от своего хозяина. Зависимость зкупа срочная. Закуп может выполнять самую разнообразную работу во дворе господина. Так называемый ролейный закуп связан целиком с сельским хозяйством господина. Повидимому, либо этот вид закупничества был особенно распространен, либо с ролейным закупничеством связывалось большее количество *casus'ов*, влекущих за собой судебное вмешательство, но факт остается фактом, что именно ролейному заупу в уставе Владимира Мономаха отведено больше всего внимания. Ролейный закуп вне

барского двора и барского хозяйства не мыслится: он пашет господским плугом барскую пашню, боронит господской бороной, запрягает в них господского коня, стережет господских коней, загоняет их во двор и в хлев, исполняет всякие другие хозяйские распоряжения; в то же время у него имеется и свое собственное хозяйство на участке земли, полученном от господина. Трудно более ясно показать форму эксплуатации закупа. Перед нами один из видов отработочной ренты прежде всего» (стр. 123). Разновидностью рядовича является и близкий к закупу вдач, под которым можно «разуметь бедного человека, берущего в долг хлеб или деньги, может быть, обязующегося при этом и отработать этот свой долг в определенный срок» (стр. 124).

Накопец, в составе челяди вотчинника встречаются еще изгои—категория сложного состава (речь идет о деревенских изгоях, так как о городских мы почти ничего не знаем), в которую вело много путей. Все же главная масса изгоев это—«вольнотпущенники, бывшие рабы, посаженные на господскую землю, крепостные» (стр. 147). Таким образом и здесь мы сталкиваемся с более прогрессивной формой эксплуатации, пришедшей на смену рабскому труду.

Это справедливо не только в отношении изгоев. Общая тенденция развития общественных отношений в Киевском государстве X—XI вв. такова, что рабство, играющее еще значительную роль, вместе с тем «очень заметно уступает место более прогрессивному феодальному способу производства (крепостной труд)» (стр. 155).

Вопрос о роли рабского труда в общественном производстве Киевского государства приобретает особо острый интерес в связи с недавно развернувшейся дискуссией на тему о том, была ли Киевская Русь рабовладельческим обществом. Известно, что в этой дискуссии ряд историков (проф. А. В. Шестаков, проф. П. П. Смирнов и др.), подчас в полном противоречии с прежними своими высказываниями, утверждали, что Киевская Русь была рабовладельческим государством. Никаких конкретных данных в защиту этого утверждения авторы его привести не смогли. Вся их аргументация сводилась, главным образом, к словесным упражнениям о «неминуемости» рабовладельческой формации в истории нашей страны. Действительно, рабовладельческий строй господствовал в ряде государств, существовавших на территории нашей страны. Урарту в Закавказье, Боспорское царство на юге Восточной Европы и другие были рабовладельческими государствами. Что же касается Киевской Руси, то мы уже видели, как отвечают на поставленный в дискуссии вопрос источники при детальном и добросовестном их анализе. Мы видим из этих источников, что рабство в Киевском государстве несомненно существовало, что рабов было значительное количество, но что рабство вместе с тем никогда не достигло здесь такого развития, чтобы стать основой производства.

Известно, какое большое значение придавал Энгельс общинному строю германцев, благодаря которому они смогли «оживить Европу» и на развалинах римской рабовладельческой цивилизации создать новую цивилизацию с более прогрессивным общественным строем—феодализм. Б. Д. Греков подчеркивает, что «фу же роль по отношению к античным рабовладельческим государствам Восточной Европы сыграли восточноевропейские варварские народы и среди них самый многочисленный народ—славянский, общинный строй которого, по мнению Маркса, абсолютно, до мельчайших деталей тождественен с общинным строем германцев» (стр. 113). Подобно тому как германцы, по словам Энгельса, «не довели у себя рабства до его высшего развития, ни до античного трудового рабства, ни до восточного домашнего рабства»¹, так и патриархальное рабство, существовавшее в славянском обществе, также никогда не было доведено до его высшего развития, чтобы стать основой производства, а «при дальнейшем развитии феодальных отношений хотя и продолжало существовать, но все больше и больше теряло свое значение» (стр. 113).

Главы, посвященные общественному строю восточных славян в докиевский и киевский периоды, являются, повторяем, центральными в рецензируемой книге. Эти главы составляли почти все содержание книги в предыдущих изданиях. В настоящем изда-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 133.

нии труд Б. Д. Грекова значительно дополнен. Мы находим здесь новые главы о политическом строе Киевского государства. В этих главах, опять-таки на основе анализа источников, автор приходит к выводу, что «власть Олега, Игоря, Святослава и Владимира есть власть правящей киевской знати, возглавляемой князьями» (стр. 129). Власть князей была прочной, «так как дружина и неслужилая знать были заинтересованы в том, чтобы власть их вожда не была призрачной. Киевский князь в этот период нашей истории... решительно ничего общего не имеет ни с «платным военным сторожем», ни с «политической случайностью» и еще меньше с «блуждающей кометой», как он представлен у Ключевского» (стр. 192). Благодаря княжеской власти земельно-владельческая знать смогла усилить свою материальную и политическую независимость, что, в свою очередь, привело к распаду Киевского государства. Что касается вечевых собраний, то «в достаточной мере сильная власть киевского князя не имеет нужды входить в «соглашение» с народом и ограничивается совещаниями с дружиной, преимущественно старшей» (стр. 207). Вечевые собрания, ведущие свое происхождение от родового строя, вероятны только в исключительных случаях, но они оживляются в городах «со второй половины XI в., в связи с ростом и по мере роста отдельных частей Киевского государства и, в частности, городов». Долго живут вечевые собрания «на северо-западе (Новгород, Псков, Полоцк) как результат определенного соотношения классовых сил, при котором феодальная знать, захватившая в свои руки власть и ограничившая в своих интересах власть князей, не была в силах уничтожить народное собрание, но была достаточно сильна, чтобы превратить его в орудие своих интересов» (стр. 207).

По сравнению с предыдущим изданием, значительно (раза в четыре) расширен «Краткий очерк политической истории Киевского государства», который во втором издании автор предназначал «исключительно для облегчения пользования книгой учащимся, которые ввиду отсутствия пособий при прохождении курса истории СССР прибегают к ней». В настоящем издании «Краткий очерк» уже вышел за рамки учебного пособия и является органическим дополнением к остальным главам, поскольку, с одной стороны, он рисует политическую мощь Киевского государства, представлявшего серьезнейший международный фактор, а с другой — осмысливает политические события при помощи полученного в результате исследования представления об общественных отношениях в Киевской Руси.

В предисловии к новому изданию автор признает крупным недочетом книги отсутствие в ней специальной главы: «Организация военного дела в Киевской Руси», которую ему не удалось закончить к сроку. Со своей стороны, мы бы могли указать и на другой недочет — отсутствие в книге главы о культуре Киевской Руси. Если «базис» общества Киевского государства разработан в книге со всей возможной полнотой, то факты из области «надстройки» привлекаются лишь постольку, поскольку они необходимы для обоснования положений автора о характере материального производства и социально-экономического строя изображаемого им общества. Очерк об идеологии и культуре этого общества — его религии, литературе, науке, искусстве и пр. — несомненно обогатил бы представления читателя о Киевской Руси и сделал бы нарисованную автором картину более полной и цельной. В частности, в этом очерке следовало бы подробно остановиться на историческом значении крещения Руси.

Новое издание книги Б. Д. Грекова было очень тепло встречено советской общественностью; Оно разошлось молниеносно, не удовлетворив и малой доли спроса. Остается пожелать, во-первых, чтобы возможно скорее появилось очередное издание этого ценного труда и, во-вторых, чтобы оно включило новые главы, которые еще более всесторонне осветят киевский период истории нашей родины.

И. Б.